

Хуторная
Елена

*Я не люблю своего
мужа*

12+

Елена Хуторная

Я не люблю своего мужа

«Автор»

2010

Хуторная Е.

Я не люблю своего мужа / Е. Хуторная — «Автор», 2010

Все идет, все меняется и часто не в лучшую сторону. Любовь сменяется апатией, влечение отторжением, и как не мучиться из-за этого, ведь там, где еще недавно было ощущение крепкой любящей семьи, сейчас находишь лишь тысячу поводов для раздражения и недовольства. А что может быть хуже, чем жить с тем, кого не любишь и не принимаешь? И даже страшно признаться в этом – все равно живешь... Но, возможно, потому и живешь, что чувствуешь, что все еще можно изменить?

© Хуторная Е., 2010

© Автор, 2010

Марина проснулась в субботу утром и, обнаружив, что Миша еще спит, поспешила уйти из спальни. Двигаться старалась как можно тише и даже умываться пошла не в их ванную, а спустилась на первый этаж, чтобы не дай бог не разбудить мужа и не увидеть его призывно протянутые к ней руки. Этот жест и то выражение лица, которое неизменно его сопровождало, давно уже вместо желанья устремиться навстречу мужу вызывало лишь глухое раздражение.

По пути к лестнице заглянула в комнаты к мальчишкам – те тоже еще спали. Какое счастье, значит, можно какое-то время побыть в тишине и одиночестве.

Однако Марина даже не успела приготовить завтрак, как на кухню один за другим влетели десятилетний Егор и восьмилетний Ярослав. Они тут же начали спор, кто за завтраком будет сидеть у окна, а кто у стены, а когда Ярик наконец уступил брату, сказав, что пойдет завтракать на веранду, тому тоже вдруг срочно понадобилось идти на улицу. В следующую секунду они уже спорили о том, кто будет сидеть на качелях, а кто за столом.

– Какие еще качели? – возмутилась Марина, выходя на веранду. – А ну-ка садитесь оба за стол и не кричите так, а то папу разбудите!

Пока Ярик послушно плелся к столу, а Егор пытался спорить с Мариной, на веранду вышел Миша.

– А я уже не сплю! – сообщил он, целуя жену. – Привет, принцесса.

Марина вся сжалась от в общем-то приятного прикосновения его губ и, как обычно, ощутила всплеск раздражения, вызванный его обращением к ней. Называть ее так было уместно, когда ей было двадцать шесть и они только познакомились, но в тридцать восемь она уже вовсе не чувствовала себя принцессой.

– Привет, – сухо отозвалась Марина.

– Как спалось? – спросил Миша, но даже если бы она ответила ему, он все равно не услышал бы ее, потому что в ту же секунду мальчишки повисли на нем, и он закружил их и не отпуская, пока они все вместе не завалились на пол, хохочущие и довольные.

– Чем будем сегодня заниматься? – поинтересовался Миша у Марины, когда вся семья наконец расселась за столом.

– Днем вы собирались ехать кататься на водном мотоцикле твоего знакомого, а вечером мы с тобой идем на день рождения к твоей сестре, – сказала Марина.

Мишину сестру она не слишком любила, потому что та три раза была замужем и от каждого мужа имела по ребенку. В прошлом году она умудрилась выйти замуж в четвертый раз и, похоже, снова была вполне счастлива. И все-таки Марина была рада Алкиному приглашению, потому что это давало ей повод надеть свое новое вечернее платье и блеснуть в нем перед гитаристом Генной, который, конечно же, тоже будет на празднике.

– А это обязательно? – спросил Миша.

Сестру он не то чтобы осуждал, но несколько путался в ее мужьях, к которым долго привыкал, а когда Алка снова собиралась разводиться, сожалел, что все его старания опять оказались напрасными. К тому же ему казалось, что благоприобретенные дети все же требуют более ответственного поведения, чем смена мужей раз в несколько лет.

После третьего развода Марина настоятельно порекомендовала ему поговорить с сестрой на правах хоть и младшего, но несомненно более сознательного в подобных вопросах родного брата, и хотя тому вовсе не хотелось вмешиваться в Алкины дела, он все же составил с ней этот неприятный для себя разговор. Конечно, Алка после этого не стала более целомудренной, но хотя бы перестала заставлять детей называть папой каждого очередного своего мужа, что уже было достижением. И все равно Марина, как и всегда в подобных ситуациях, не могла избавиться от чувства снисходительного пренебрежения к своему мужу, которого так просто было склонить к тому, чего он не хотел делать. Сейчас тоже было видно, что ему не хочется ехать к сестре и общаться с ее новым мужем, но Марина была более чем уверена, что она скажет, что надо ехать, и он поедет. И тихо презирала его за это.

Проводив мужа и детей, Марина вдруг поняла, что ей совершенно нечем заняться. Готовиться к вечернему походу в гости было рано, дома все дела были переделаны, надо было постричь кусты акаций, растущие во дворе, но этим в понедельник должен был заняться Гриша, который приходил к ним два раза в неделю. Он выполнял обязанности частично дворника, частично садовника, частично плотника и даже иногда электрика и сантехника, если дело было не слишком сложным. Марина уважала Гришу за то, что он, в отличие от Миши, очень многое умел делать своими руками, причем делал это очень хорошо и с удовольствием. По ее мнению, каждый мужчина должен был уметь при необходимости поменять розетку или повесить полку на стену – так же, как женщина должна была уметь готовить. Но Миша не умел. И в автомобилях он не разбирался, и футбол не любил, и пиво не пил, уж не говоря о более крепких напитках, и даже не курил. А однажды высказал намерение отказаться от мяса, но тут Марина уже не выдержала и восстала, заявив, что все нормальные мужики должны есть мясо, после чего стала готовить мясные блюда еще чаще, чем обычно, будто боялась, что если Миша станет еще и вегетарианцем, то тогда точно утратит в ее глазах последние гендерные признаки. Кто бы сомневался, конечно, Миша ее послушался и продолжал есть мясо.

Марина вышла на веранду посмотреть, не вышла ли ее соседка загорать – тогда можно было бы присоединиться к ней и вдоволь наговориться о мужьях, детях и свекровях. Но ни Лизы, ни кого-либо из ее многочисленного семейства не было видно. Марина сходила за телефоном и позвонила нескольким приятельницам, но все они либо не отвечали, либо были заняты. Тогда она пошла наверх, чтобы одеться для поездки в город.

Спустившись в гараж и увидев подаренную ей Мишей на день рождения новенькую «Шкоду», снова пожалела, что та белого цвета, хотя в салоне, где Миша ее покупал, совершенно точно были голубые. Именно голубой цвет Марина любила больше всего, и за двенадцать лет, что они прожили вместе с мужем, он, по ее мнению, мог бы запомнить такую элементарную вещь.

Погода стояла замечательная: двадцатое июня, уже не совсем начало, но еще даже не середина лета, тепло, солнечно, пушисто и щекотно от тополиного пуха. Марина собиралась погулять по парку, но не удержалась, завернула-таки в меховой салон, уверив саму себя, что лишь быстро глянет, что там есть. В последнее время она стала покупать невероятное количество вещей, и хотя размеры гардеробной комнаты позволяли иметь такое пристрастие, ее саму не слишком радовало ее новое увлечение – не нравилось превращаться из любившей почитать классику образованной женщины в обезумевшую шопоголичку, не знающей меры и не умеющей остановиться в своем стремлении скупать все подряд.

Вот и сейчас все-таки не смогла совладать с собой – так прилипла к короткому белому норковому полушубку, идеально подходившему к ее новой машине, что даже переступила через себя и позвонила Мише, чтобы спросить, могут ли они позволить себе такую покупку.

– О чем речь, принцесса моя, – покладисто отозвался он. – И ты можешь даже не спрашивать о таких вещах, прошли те времена, когда нам приходилось считать каждую копейку. Конечно, покупай!

– А две можно? – зачем-то спросила Марина.

– Можно и две.

– А три?

– Если ты считаешь, что они нужны тебе все три, то покупай три, – как ни в чем ни бывало ответил он.

Положив трубку, Марина снова перемеряла все шубы, вдруг вознамерившись во что бы то ни стало найти еще две к той, на которой она уже остановила свой выбор, но так и не подбрав ничего подходящего, обошлась-таки одной вещью.

Она действительно никак не могла привыкнуть к мысли, что может теперь вот так просто пойти и купить шубу. Или две. Или даже три, если очень захочется и они будут по ценам сезонной распродажи.

Когда они с Мишей познакомились, у него не было ничего своего. Квартиру он снимал, ездил на старых отцовских «Жигулях», вроде бы имел свой бизнес – цех по производству пельменей, но при этом зачастую сам на нем был и экспедитор, и завхоз, и лепщик, и торговый представитель и зарабатывал столько, что едва ли мог себе позволить сходить в кино раз в месяц.

Позже, когда цехов стало несколько и к производству пельменей добавилось производство вареников и полуфабрикатов, денег стало больше, но они тут же все снова вкладывались в бизнес, и Марина их практически не видела. Все так же выкраивала копейки, чтобы и за съемную квартиру заплатить, и семью накормить, себе купить новую кастрюлю, Мише сапоги на зиму, а Егору новую игрушку. Одно было хорошо – за всеми этими заботами не так сильно была заметна непреходящая тоска, которую она испытывала с тех пор, как вышла замуж за Мишу, а усталость служила вечной отговоркой, чтобы лишний раз избежать не вызывающей ничего, кроме отторжения, близости. По этой же причине, когда оказалось, что Марина снова беременна, даже несмотря на то, что Егору на тот момент не было и полутора лет, она и не заикнулась о том, что может быть, не стоит пока рожать второго ребенка. Миша до сих пор был очень благодарен ей за это, даже не догадываясь об истинной причине ее самоотверженности.

Надо сказать, он вообще всегда истолковывал поведение Марины на свой лад и потому находил массу поводов быть благодарным своей жене: за то, что та безропотно разделила тяготы его пути к успеху, за то, что готовила, стирала, убирала, растила его детей, за то, что не забывала о себе, много читала, следила за собой, старалась научиться работать за компьютером, сдать на права, подучить английский, чтобы помогать детям делать уроки. Впрочем, его благодарность не добавляла Марине любви к нему: любые его восторженные отзывы о ней вызывали лишь ее кривую улыбку внешне и чувство неприятия внутренне, да еще бывало проснется вдруг чувство вины, будто нарочно обманула кого-то.

Тем не менее, когда три года назад в семье появились первые свободные деньги, Марина не стала отказываться от новых возможностей. Вдруг ощутила удовольствие обладать вещами, которые ранее были недоступны, и совершать поступки, которых раньше она не могла себе позволить. На какое-то недолгое время она стала более благосклонно относиться к Мише и даже прониклась к нему небывалым до того времени теплом, когда он предложил нанять домработницу, чтобы та помогала Марине по хозяйству после их переезда в новый дом. Однако новый образ жизни быстро вошел в привычку, и Маринино отношение к Мише тоже стало прежним. Именно тогда она в полной мере ощутила весь ужас тишины и изолированности спальни, в которой очутилась с Мишей один на один и где больше не было чутко спящих детей, тонких стен и бесконечных домашних хлопот, спасающих от предстоящей ночи смертельной усталостью.

И вроде бы жизнь должна была стать лучше и легче, а вместо этого все стало гораздо хуже. Днем еще куда ни шло, Миша был на работе и можно было заниматься чем душе угодно, но чем ближе к вечеру, тем сильнее хотелось бежать из дома, или забиться в темный угол на чердаке, чтобы никто не нашел, или ночевать в машине – хоть что, лишь бы не подниматься на второй этаж в роскошную нежно-голубую спальню, которая была именно такой, какой Марина ее себе всегда представляла, за исключением душевных и физических пыток, ставших неотъемлемой частью этого места.

Миша напротив, казалось, вознамерился в ударные сроки компенсировать недополученную за прошедшие годы близость, и редкая ночь обходилась без того, чтобы он не потянулся к Марине с недвусмысленными намерениями, а в последнее время еще и все чаще стал предла-

гать разнообразить их интимную жизнь с помощью сексуального белья, специгрушек и ролевых игр.

– Чего бы тебе хотелось? – спрашивал он Марину. – Что мне сделать, чтобы тебе было хорошо? Ведь наверняка же у тебя есть какие-то сексуальные фантазии!

Ее главной сексуальной фантазией было то, как он поднимается вечером в спальню, ложится в постель, отворачивается от нее и засыпает. Но она, конечно же, не могла сказать ему об этом, поэтому приходилось иронизировать над тем, какой он, оказывается, сексигант, а из себя строить скромную застенчивую школьницу, которая смущается даже при виде наготы.

– Хочу тебя видеть, – возражал Миша и включал свет.

– У меня сегодня нет настроения, – говорила она, если уж совсем не чувствовала в себе сил заниматься сексом, и мечтала поспорить с ним, когда бы он начал настаивать, чтобы наконец высказать ему все, что она думала о нем и его неожиданно пробудившейся сексуальной активности.

Но Миша только с сочувствием смотрел на нее и говорил:

– Устала моя принцесса? Хорошо, оставим это на завтра. Иди ко мне – пообнимаемся... С ним даже поспорить было невозможно!

Марина, все еще кипя внутренне от невысказанных эмоций, пересиливала себя, подвигалась к нему, ждала, пока он уснет, потом осторожно возвращалась на свой край постели и только после этого могла заснуть сама.

Стали появляться мысли о том, что может, родить третьего ребенка – тогда доступ к телу снова был бы временно закрыт на какое-то время. Но даже с учетом появившейся возможности завести няню Марина не чувствовала в себе сил на такой поступок. Усталость и заботы о детях, конечно, создавали дистанцию между ней и Мишей, но вкусив лучшей жизни, к старому Марина возвращаться уже не хотела. И идти на ненавистную работу в бухгалтерию, дабы обрести свободу и самостоятельность, у нее тоже не было никакого желания. Разве что снова выйти замуж? Но за кого? И как? Хотелось, чтобы все просто оставили ее в покое. Точнее, не все, а только один человек. Давно бы плюнул на нее, нашел себе молодую любовницу, как делали это все мужики вокруг, но он даже на это был не способен, к глубочайшему Марининому сожалению.

Марина вышла из мехового салона, закинула покупку в машину и поняла, что гулять по парку ей совсем не хочется. Увидев через дорогу кофейню, направилась к ней.

Пока сидела в ожидании заказа и перебирала телефонные номера в записной книжке телефона, думая, с кем бы поболтать, тот вдруг сам зазвонил. Марина посмотрела на определившийся номер с некоторым неудовольствием – Наташа, причем наверняка опять со своими глупостями.

– Привет, – тем не менее ответила она на звонок, решив, что все-таки лучше поговорить с подругой, чем сидеть совсем без дела да еще и в одиночестве.

– Привет, пропащая душа, – как всегда радостно отозвалась Наташа. – Ты же помнишь, двадцать первого числа, как обычно...

– Да-да-да, – перебила ее Марина, чтобы в тысячный раз не выслушивать цитату про баню, – помню.

– Точно! И мы между прочим все еще не теряем надежды, что ты к нам присоединишься.

– Завтра?

– Да, Мариш, завтра!

Каждый год в день летнего солнцестояния три ее студенческих подруги собирались у Наташи в ее двухкомнатной квартирке в обычной девятиэтажке на «купание», как они это называли. Якобы в этот день, точнее в ночь, в Наташиной квартирке открывался то ли выход в другой мир, то ли она оказывалась в центре действия какой-то особой энергии. Если учесть, что это происходило в день солнцестояния, то надо полагать, это должна была быть самая сильная в

году концентрация солнечной энергии. И якобы после этого самого купания, о котором Марина имела весьма смутные представления, исполнялись заветные желания. В общем, полная чушь, как казалось Марине. Ну да, Ира, мать-одиночка, наконец-то стала соучредителем компании, в которой проработала десять лет. Таня ушла с ненавистной бухгалтерской работы, открыла свое ателье по пошиву модельных штор и наконец-то перевезла к себе маму, которая теперь сидела с ее двумя детьми и освобождала Таню для творчества. Наташа же в свои почти сорок выглядела девочкой – легкой, тонкой, без единой морщинки и седого волоска. Но так ведь это были заслуги самих девочек, а не какого-то «купания»!

– Скажи мне, что ты хотя бы подумаешь, – попросила Наташа. – Ну даже если не на купание, приезжай просто так, мы ведь сто лет тебя не видели, соскучились – жуть! Неужели тебе самой не хочется со всеми встретиться? Ведь видимся только на семейных праздниках, а так хочется посидеть между нами девочками, вспомнить былое, поделиться насущным – разве нет?

Марина отстраненно молчала в трубку.

Не могла она видиться с подругами. Не потому, что не хотела, а потому, что они при встрече обязательно начинали расспрашивать о семье, о детях, о Мише, а Марина не могла, не находила в себе сил сказать им правду об этой части своей жизни. Подругам казалось, что у нее, несмотря на неудачные отношения, которые ей довелось пережить в молодости, в итоге сложилось все просто чудесно: любящий муж, дети, теперь вот и денег хоть отбавляй, и почему-то Марине хотелось, чтобы оставалась хотя бы эта видимость того, что у нее все хорошо, ведь если не эта видимость благополучия, то что тогда вообще ей останется?

– Ничего не говори и не обещай, – сказала Наташа, – просто подумай. Встречаемся как обычно у меня, ты знаешь где это, за двадцать лет мой дом ни на миллиметр не сдвинулся с места. Привози с собой что хочешь – вино, фрукты, сладости, а можешь вообще ничего не привозить. Мы как обычно будем запекать в духовке курицу с яблоками, так что голодными точно не останемся. Ну и заветное желание, конечно, привози. И вещь, от которой хочешь избавиться. Просто приезжай, хорошо?

Марина была рада, когда разговор с Наташей был закончен, и постаралась отвлечься на фруктовый десерт, который только что принес официант.

Когда вернулась домой, уже можно было начинать готовиться к походу в гости. Марина приняла ванну, уложила волосы, нашла подходящее выбранному платью белье, и перед тем, как надеть его, постояла перед зеркалом, рассматривая себя при ярком свете ламп.

Грудь после вскармливания двоих малышек была не так упруга как когда-то, живот не так безупречен, как хотелось бы, на лице и на шее появились мелкие морщинки, которые были особенно заметны, когда она улыбалась или определенным образом наклоняла голову. Несколько лет назад, устав бороться с сединой, она остригла свои длинные волосы и носила теперь короткую стрижку. Однако она не слишком изменилась со времен молодости и при мягком освещении все еще могла сойти за молодую девчонку.

Марина отвернулась от зеркала, надела белье, и в это мгновение раздался шум подъехавшей к дому машины. Она накинула халат и спустилась вниз.

Миша, как всегда, поцеловал ее при встрече, а мальчишки принялись наперебой хвататься поездками на водном мотоцикле, так что Марина с трудом убедила их пойти переодеться и помыть руки перед ужином. Отправив сыновей в их комнаты, пошла на кухню, чтобы на скорую руку приготовить омлет с луком, помидорами и беконом – вчерашней еды она принципиально не признавала, а ни на что более замысловатое уже не оставалось времени.

Когда мальчики заканчивали ужинать, пришла няня, и Марина, оставив детей на ее попечение, отправилась одеваться перед выходом.

Она увидела, как на лице Миши отразились волнение и смятение одновременно, когда она спустилась вниз.

– А не слишком ли твое платье... открытое? – спросил он ее, когда она подошла к нему.

– Мне переодеться?

– Да нет... конечно нет! Ты очень красивая, как и всегда.

Слабак.

Через пятнадцать минут они были у Мишиной сестры, и еще спустя несколько мгновений Марина увидела гитариста Гену. И вроде бы никогда она не испытывала к нему сильных чувств, просто думая о нем приятно было надевать новое платье, а тут вдруг кольнуло, и теперь уже она сама испытала волнение и смятение одновременно. Обнаженные участки тела жгли, как будто Гена прижался к ним не только своим восхищенным взглядом, и вся она была словно наэлектризована его восхищением. Марина вздрагивала, улавливая схожие со своими вибрации, совпадая с ними, возникающими так близко, что невозможно было пройти сквозь возникшее поле без усилия – до того оно было плотным и осязаемым.

Только Миша и мог это не почувствовать. Марина посмотрела его почти ненавидящим взглядом, когда он как ни в чем ни бывало за руку поздоровался с Геной и даже не заметил, какие они у того влажные, и не подумал, что причиной внезапной потливости этого красивого, статного мужчины могла быть она, Марина, примерная жена, мать двоих детей. Марине нестерпимо захотелось сбежать из напичканного невероятным количеством вещей Алкиного дома, оставив в нем никогда не понимавшего ее мужа, но она сделала над собой очередное усилие и продолжала улыбаться гостям, поздравляла именинницу, помогала ей на кухне, терпела Мишину руку на своей спине.

После того как с основными блюдами было покончено, гости разбрелись по дому, собираясь давно сбитыми компаниями. Марина, равнодушно оставив мужа в обществе Поли, Алкиной подруги, давно имевшей виды на Мишу и считавшей, что Марине он достался незаслуженно, вышла на улицу, пытаясь дать себе хоть небольшую передышку в этом нелегко дававшемся ей представлении. Не прошло и пяти минут, как ее нашел Гена. Сбежал от гостей – как ему, всегда находившемуся в центре внимания, это удалось? – подошел к ней, сжимая осязаемое, пружинящее поле, образовавшееся между ними, сверкнул глазами и зубами, нацеливаясь на ее светящуюся в темноте обнаженную кожу, и все-таки не осмелился напасть сразу – заговорил о чем-то, шутя и зубоскаля, но не в силах скрыть своих истинных желаний.

Всегда, когда Марина представляла себя в такой ситуации, ей казалось, что ее ничто не будет сдерживать, и она не задумываясь сдастся на милость своих влечений. Но почему тогда сейчас она шла и слушала, как Гена говорил какую-то чепуху, пытаясь казаться остроумным, и смеялась там, где надо было смеяться, вместо того, чтобы остановиться, развернуть его к себе и впиться поцелуем в его сочные губы, испить с них его песен и улыбок, его вина, меда, терпкого бальзама, которым он щедро разбавлял слишком скучный для него чай? И, видимо, сам он тоже чувствовал эту невидимую преграду, выставленную своей зазывно хохочущей спутницей, потому и медлил, и робел неожиданно для себя.

Однако было понятно, что сюжет по нарастающей ли, по убывающей, но должен был развиваться, и когда Марина решила-таки отпустить себя и позволить себе сделать что хочется, ноги сами вывели к освещенной веранде дома. Гена покорно последовал за ней.

На веранде стоял Миша в обществе Поли, и, увидев их, Марина невольно затормозила в тени единственного на участке дерева с густой листвой. Поля чуть ли не всем телом прижималась к стоящему к ней боком и что-то рассказывающего ей Мише, заглядывала ему в глаза, облизывала губы и доверчиво подставляла ему свое глубоко вырезанное декольте. Миша, похоже, все-таки побывал в нем взглядом пару раз и, кажется, даже заволновался. Неужели Поля все же добьется своего и соблазнит своими сомнительными прелестями ее мужа? – мелькнула у Марины мысль, и вместе с этим кольнуло чувство возмущения и возбуждения одновременно. Неужели Миша все-таки потеряет свою девственность с другой женщиной?

Пока Миша продолжал что-то говорить, Поля подняла руку с хищным маникюром и запустила ее ему под пиджак. Она наверняка опустила бы ее ниже, но Миша вдруг подпрыгнул как ужаленный и, схватив ее руку, инстинктивно отбросил от себя, будто ядовитого паука с себя стряхнул.

В ту же секунду Марина вышла из тени, Поля оскалилась, Мишины глаза наполнились замешательством:

– О, принцесса моя, это ты! – выпалил он покраснев как ребенок, которого уличили в запретных шалостях. И Марина в ту же секунду пожалела, что не осталась с Геной в кустах, что не позволила ему поставить себя спиной к нему, поднять длинный подол своего платья и обладать ею прямо там, в дальнем темном углу участка, опершись о высокий кирпичный забор.

– Поедем домой? – бросила Марина на ходу.

– Конечно, как хочешь, я только попрощаюсь с Аллой, – заторопился Миша и пошел в дом, чтобы найти сестру. Через несколько минут они отъехали от Алкиного дома.

Когда вернулись домой, мальчики уже спали, и они, отпустив няню, поднялись наверх.

– Ты не сердись? – спросил Миша, удержав Марину за руку, когда она собиралась пройти в гардеробную, чтобы переодеться.

Марина с трудом терпела его прикосновение и подумала, что сегодня ночью точно не сможет пересилить себя, чтобы быть с ним, и даже просто обниматься перед сном не сможет. Так хотелось стряхнуть с себя его руку, его взгляд, отвести от себя его вопрос, все его чувства, направленные на нее, и просто остаться в темноте и тишине своей роскошной голубой спальни.

– Из-за чего? – сказала она, делая вид, что не понимает, почему он переживает. – Вовсе нет.

– Точно? – пошел он за ней, и она с трудом удержала себя от того, чтобы не захлопнуть дверь перед самым его носом.

– Абсолютно точно, – сказала она и посмотрела на него в ожидании, что он наконец оставит ее в покое и даст переодеться.

Но Миша совсем не торопился уходить.

– А может, ты пока не будешь снимать свое платье? – вдруг попросил он с тем самым выражением, которое означало, что в его планы на ночь входил не только сон. – Может, сегодня мы сделаем это сзади, стоя?

Марину передернуло, настолько грубо и непривлекательно прозвучала ее недавняя фантазия в его устах. Неужели он не понимает, что есть вещи, которые нельзя озвучивать? Их можно только делать или не делать, и она была уверена, что Гена в отличие от Миши прекрасно это знал.

– Знаешь, – вдруг сказала она, – я забыла тебе сказать, думала, сегодня уже не успею, но сейчас еще не очень поздно.

Она потянулась к верхней полке, на глазах у изумленного Миши достала небольшую дорожную сумку и стала кидать в нее вещи попеременно со словами:

– Мы с подругами собирались раньше каждый год – обычно на одну ночь, но в этом году они решили собраться на выходные. Ну, сам знаешь, посидеть, поболтать, поесть конфет и варенья. Раньше я не могла – дети, семья, ты в курсе, но в этом году я ведь смогу уехать на два дня? В общем, ты ни о чем не беспокойся, ложись спать, утром я позвоню. Ехать недалеко, не волнуйся за меня.

Сумка была собрана, ничего не понимающий Миша проводил Марину до машины. Она села за руль, выехала за ворота, фигура Миши становилась все меньше и меньше, пока и вовсе не скрылась за поворотом. И только когда Марина смогла наконец сосредоточиться на прокручивающейся в свете фар дороге, а не на зеркале заднего вида, заметила, как сильно она напряжена – будто убегала от смертельной опасности, грозившей настигнуть ее в любую секунду, и не верила при этом, что сможет избежать ее. Но теперь можно было наконец свободно вдох-

нуть и немного расслабиться. А чтобы на душе стало еще спокойнее, надо было взять телефон и выключить его, лишив Мишу всех возможностей достать ее своим голосом, беспокойством, заботой. Марина достала трубку и поспешно нажала на спасительную кнопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.